

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН И НОВАЯ АРХИТЕКТУРА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Л.Л. ФИТУНИ

Доктор экономических наук
Институт Африки РАН

Ключевые слова: мировая экономика, модели развития, развивающиеся страны, БРИКС, многополярность, догоняющее развитие

ЛИДЕРЫ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В НОВОЙ МОДЕЛИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ. СТАТЬЯ 1

За истекший год в мировой литературе, в т.ч. и в нашем журнале, появилось немало статей, в основном политико-публицистического и справочно-информационного плана, посвященных БРИКС (BRICS) - объединению крупных и многонаселенных государств мира с быстрорастущими экономиками (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). Хотя оно еще не обрело своих окончательных очертаний и продолжает поиск оптимальных форм и направлений деятельности, но уверенно набирает силу и быстро утверждается в мировой экономике и политике. В то же время в печати все чаще упоминаются и другие группы стран (MIKT, NEXT-11), претендующих на роль перспективных лидеров догоняющего развития.

Публикуемая ниже статья является, возможно, одной из первых попыток пойти далее и глубже, чем злободневная аналитика, и осмыслить явление БРИКС с точки зрения теории мировой экономики и фундаментальной экономической науки, а также подробнее осветить постоянно муссируемый вопрос об «альтернативных» лидерах мировой экономики XXI века.

Объектом изучения мировой экономики как специфической отрасли экономической науки являются как развитие мировых производительных сил, так и отношения, возникающие на международном уровне в процессе воспроизводства между его участниками. При этом познание проблем развития предполагает и неизменно включает в себя исследование вопросов экономического соперничества и конкуренции на глобальном, региональном, страновом и отраслевом уровнях - возвышение одних акторов и низвержение других.

В настоящее время мировая экономика проходит через очередной этап глубокой перестройки устоявшихся парадигм отношений, сложившихся в ней за долгие десятилетия. Как показы-

вает история, такие трансформации происходят периодически и, как правило, сопровождаются протяженными по времени кризисными явлениями в мировом хозяйстве и существенными изменениями в балансе сил основных экономических центров силы в мире. В наши дни одним из таких «возвышающихся» полюсов новой модели мирового экономического развития (ММЭР) становятся страны БРИКС, причем, что особенно ново и интересно, как каждая в отдельности, так и в качестве нарождающегося единого целого - пока что несколько аморфного, но уже, без сомнения, обладающего очевидным весом политико-экономического объединения глобальной значимости.

Отечественные исследовате-

ских позициях, как правило, склонны связывать возникновение феномена БРИКС с проявлением действия так называемого закона неравномерности развития, суть которого состоит в том, что страны, вступающие на путь капиталистического развития позже, развиваются быстрее. Быстрое возвышение и укрепление позиций новых центров экономической силы, как показывает история, ведет, по крайней мере, к относительному сужению возможностей и позиций старых.

Новые и старые мировые акторы оказываются вовлеченными в ресурсные, торговые, политические, дипломатические и другие «игры с нулевой суммой», при которых улучшение (порой мнимое) положения одной стороны будет неизбежно восприниматься как ухудшение положения дру-

гой. На протяжении истории можно наблюдать множество примеров соперничества «старых» и «новых игроков», а потом и замены первых вторыми в качестве сначала локомотивов роста мировой экономики, а потом и доминирующих центров глобального экономического развития. На всех этапах истории «новые игроки» являлись по своей сути лидерами догоняющего развития.

Особенностью нашего времени стало то, что число последних заметно увеличилось. Они все чаще пытаются координировать свои действия по трансформированию ММЭР в своих интересах. Эволюция БРИКС как раз является тому примером. Эти страны быстрее и, как полагают некоторые исследователи применительно, например, к КНР, эффективнее других модернизируются, сокращая свое отставание от высокоразвитых стран.

В связи с повышением внимания к проблематике модернизации в мире в целом и в нашей стране, в частности, стал возрождаться интерес к экономическим теориям догоняющего развития. В работах, появившихся в мире в последнее десятилетие, обобщается опыт модернизаций, в целом, как в развитых, так и в развивающихся странах. Сегодняшние работы, естественно, довольно далеко отстоят от классических трудов 1950-1960 гг., написанных основателями и идеологами различных вариаций данной концепции - П.Бауэром, К.Кларком, А.Хиршманом, А.Льюисом, Г.Мюрдалем, Р.Пребишом, Я.Тинбергеном, Р.Фуртадо, применительно почти исключительно к «третьему миру».

Особенность современных отечественных разработок в том, что исследователи чаще всего стремятся обобщить опыт догоняющего социально-экономического развития ряда динамично развивавшихся стран Восточной Азии и Латинской Америки, выявить общие закономерности такого развития и обозначить его пределы, оценить возможности использования этого опыта в условиях России¹.

Настало время по-новому по-

дойти к познанию явления догоняющего развития, выделив в его составе в качестве специфического объекта научного исследования группу стран-лидеров, играющих особую роль в формировании лица современной мировой экономики. Страны БРИКС, как нам представляется, являются одним из наиболее важных примеров такого лидерства, а значит, и предметом углубленного изучения.

УТОЧНЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА

Пожалуй, впервые в истории открывается (пусть пока в значительной степени как возможность) перспектива тесного взаимодействия и сближения в рамках координируемого политико-экономического проекта весьма отдаленных друг от друга, разнородных по экономическому, политическому весу и даже по цивилизационно-культурной памяти стран.

Ясно и то, что без осмысленных и целеустремленных шагов, другими словами, - без наличия политической воли, такой проект был бы невозможен. И эти шаги, кажется, уже сделаны. Сейчас было бы слишком рано и безответственно прогнозировать, насколько успешным может стать такой проект в дальней перспективе. Однако потенциально в его пользу говорят основные тенденции глобального политического развития и складывающиеся векторы трансформации мировой модели экономического развития.

Когда мы говорим о ММЭР, то имеем в виду, прежде всего, устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений (связанные с производством, распределением, обменом и потреблением в мировом хозяйстве), которые сложились на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражали установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития².

Появление БРИКС как политико-экономического феномена

связано как сменой ММЭР, так и с явлением, которое в современном политическом и экономическом дискурсе принято именовать категорией «полярности» в глобальных международных отношениях (как политических, так и экономических, военно-стратегических и даже культурных).

«ДОКТРИНА ПРИМАКОВА»

Концепция многополярности была известна задолго до зарождения ситуации, сложившейся в начале нынешнего тысячелетия. Еще в 1940-е гг. Ганс Моргентау, американский политолог, общепризнанный основатель и глава школы прагматизма в теории международных отношений, также известной как «реалистская» школа (она же - школа «политического реализма» от нем. *Realpolitik*), указывал на наличие у многополярной системы определенных преимуществ (правда, не вдаваясь в подробный анализ самой системы)³. В 1970-е гг. представитель уже «неореалистской» школы Кеннет Уолтц отстаивал мнение, что биполярная система международных отношений более устойчива в своем функционировании по сравнению с многополярной⁴.

Говоря не только о теоретическом, но и прикладном аспекте концепции многополярности в увязке с современной проблематикой БРИКС, следует остановиться на особой роли академика Е.М.Примакова. Еще в первой половине 1990-х гг., когда внешнеполитическая линия «козырева-ского»* МИД была однозначно встроена в фарватер флагмана монополярного мира - США, этот авторитетный востоковед и уважаемый политик выдвинул идею трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая. Ее основные исходные положения стали предметом публичного политического дискурса после смелой по тем временам публикации в «Независимой газете»⁵.

* Козырев А.В. - министр иностранных дел России (1990-1996 гг.). С января 1998 г. - член совета директоров американской корпорации «ICN Pharmaceuticals». С 2007 г. - банкир, председатель Совета директоров ОАО АКБ «Инвесторбанк» (прим. авт.).

Концептуальные подходы ученого оказались реальной альтернативой квазитоталитарной, по своей сути, доктрине однополярного мира. Став в 1996 г. министром иностранных дел, Е.М.Примаков в рамках возможного в те сложные годы пытался способствовать практической реализации своих взглядов, из которых постепенно, и на первых порах достаточно медленно, в России начала складываться самостоятельная внешнеполитическая доктрина. Позже, когда ее создатель возглавил российское правительство, она получила дальнейшее развитие и новые возможности для практической реализации.

Запад, введенный в заблуждение униженным состоянием России начала 1990-х гг., относительно поздно осознал действительную силу нового концептуального подхода. Многие аналитики отнесли первые его проявления на счет замешательства в рядах российской политической элиты, которая не ищет новые идеи для сохранения себя в качестве таковой⁶. Другие, вопреки логике самой концепции и здравому смыслу, пытались отнести ее к категории «сохраняющихся имперских амбиций»⁷.

Впрочем, некоторые российские авторы до сих пор склонны видеть в «доктрине Примакова» лишь инструмент международного лавирования в сложных политических и экономических условиях. Более того, они считают, что «при Ельцине российские идеи балансирования между Западом и крупными развивающимися странами воспринимались в США и Европе как наивная игра, никого не способная обмануть»⁸.

Таким образом, поначалу идеи Е.М.Примакова интерпретировались многими в достаточно узком смысле как некие внешнеполитические установки рутинной дипломатической работы, имеющие к тому же сомнительные перспективы, а не как концептуальное видение самостоятельной и весьма продуктивной модели построения международных отношений в глобализирующемся мире XXI века. Отголоски таких взглядов встречаются и сегодня и сводятся

в основном к формуле: «Как вы думаете, разве из этой затеи с БРИКС может получиться что-нибудь путное?»

Между тем, спустя десятилетие, под влиянием объективных процессов, происходящих в мире, и благодаря усилиям дипломатов и политиков, верно понимающих эти процессы и опирающихся на них в своей работе, теоретическая концепция обрела практические очертания и начала превращаться в «самореализующееся пророчество».

Конечно, ее распространению способствовало не только правильное видение разработчиками перспективных векторов развития мирового сообщества. Неверно и даже наивно считать, что рассматриваемый нами феномен многополярности - лишь искусственно созданный продукт кабинетной научной мысли или стратегических построений политиков. Он объективен по своей сущности, а успехи практического воплощения политической концепции объясняются тем, что она не только не противоречит, а наоборот - исходит из объективных процессов: возвышения в мире новых глобальных экономических центров и относительного ослабления позиций старых.

Сегодня сам термин «многополярность» для абсолютного большинства пользующихся им утратил «антизападный» подтекст. Он взят на вооружение европейскими и американскими аналитиками, а также ведущими международными институтами. Например, Всемирный банк (ВБ) озаглавил один из своих недавних крупных прогнозных докладов «Многополярность. Новая глобальная экономика»⁹.

ОТ МНОГОПОЛЯРНОСТИ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

В течение почти всей второй половины XX века мир фактически был биполярным. Друг другу противостояли два полюса политической, экономической и военной силы - страны капиталистического и социалистического лагерей, возглавляемые двумя сверхдержавами - США и СССР, соответственно. Сразу после кру-

шения мировой системы социализма мир попал в ситуацию, когда сохранившаяся сверхдержава претендовала на роль единственного силового полюса в возглавляемом ею монополярном мире. Иллюзия устойчивости такого миропорядка просуществовала примерно до иракской авантюры США*, после чего стало очевидным, что силы «одиокой сверхдержавы» перенапряжены, а мировая система движется в сторону многополярности и полицентричности.

Многополярность предполагает наличие в мире нескольких «разнопорядковых» полюсов силы - военных, цивилизационных, политических и экономических. В конкретных исторических и социально-экономических условиях категория «полюс силы» может относиться как к отдельной державе, так и к группе государств, но, в принципе, и к негосударственным акторам.

Уточним, однако, что, с экономической точки зрения, этап монополярности, по нашему мнению, не наступал вовсе. И вот почему.

В первые 20 лет после окончания Второй мировой войны модель мирового экономического развития (ММЭР) и мировая экономическая система были биполярными. В рамках ММЭР послевоенного периода существовало по одному мировому полюсу силы внутри мировой капиталистической системы и мировой системы социализма, представленных, соответственно, США и СССР. Они же выступали в роли двух противостоящих друг другу глобальных центров экономической силы.

Однако позднее, с восстановлением хозяйств, в целом ряде стран мира эта «двухцентровая» система начала быстро разрушаться. Глобальная геополитическая биполярность в форме противостояния мировых систем сохранялась, но внутри конкуриру-

* В 2002-2003 гг. американская администрация предприняла большие усилия, чтобы доказать, что режим Саддама Хусейна представляет опасность для международного сообщества. 20 марта 2003 г. США при участии ряда союзников начали войну в Ираке.

ющих систем все более четко проявлялась *полицентричность*. Наряду с основным лидером - «полюсом» появлялись дополнительные центры силы, главным образом, экономической. Опыт показывает, что в рамках одной и той же модели мирового экономического развития число «полюсов» и «центров» может не совпадать. Например, как показано выше, двухполюсный мир 1970-х - 1980-х гг. был полицентричным. В условиях лидерства двух сверхдержав в нем сосуществовали три «мировых центра капитализма» (США, ЕЭС и Япония) и два - социализма (СССР и КНР).

Понятие «полицентричность» в практических проявлениях по содержанию весьма близко к категории «многополярность». Тем не менее, это не тождественные понятия. Сегодня оба термина часто используются как взаимозаменяемые, причем словосочетание «полицентричный мир» все более закрепляется в качестве основного.

Параллельно с этим существовало и трехчленное деление мира, которое выделяло еще одну категорию стран - «третий мир», включавший развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Подобное членение имело несколько вариаций, но в целом соответствует классическим «мир-системным» подходам американца Иммануила Валлерстайна, или теории зависимо-го развития египтянина Самира Амина и их последователей, в рамках которых дифференцируются мировые Центр, Полупериферия и Периферия, и/или Первый, Второй и Третий миры¹⁰.

Существовавшие десятилетиями парадигмы развития мировой экономики и взаимоотношений между оперирующими в ней субъектами претерпевают глубокие изменения. Соответственно, меняется и используемый категориальный аппарат. При этом, к сожалению, утрачивается и четкость отдельных дефиниций. Использование терминов стало допускать повышенную степень «размытости».

Так, например, термин «развивающиеся страны» (который в

советской науке был на практике синонимичен словосочетаниям «третий мир», «освободившиеся страны» и «страны Азии, Африки и Латинской Америки») ныне в отечественных публикациях и за рубежом используется весьма вольно. Сегодня как научная категория он далеко отстоит от конкретного смыслового наполнения 1970-х - 1980-х гг. и употребляется очень свободно, если не сказать - произвольно.

ТРУДНОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ

Во многих научных работах и ряде (но не во всех) публикаций международных организаций (Всемирный банк, ЮНКТАД) категория «развивающиеся страны» все еще распространена и достаточно часто фигурирует в своем исконном значении. При этом для статистических и конкретных аналитических нужд равно используется технически более совершенная система деления всех стран по географическому принципу (на 7 регионов), по уровню доходов (на 6 групп), по критериям задолженности (4 группы).

В силу очевидной расплывчатости термина «развивающиеся страны» и часто возникающих конфликтных ситуаций в связи с причислением или не причислением конкретных государств к их числу, многие современные западные исследования и официальные издания либо отказываются от его использования вовсе, вводя собственные критерии дифференциации стран, либо включают или исключают отдельные государства в состав развивающихся по своему усмотрению¹¹.

В последнем случае не всегда соблюдаются устоявшиеся научные критерии классификации государств в качестве развивающихся по: 1) уровню экономического развития (объем ВВП на душу населения, структура производства, уровень индустриализации); 2) социальной структуре экономики (характер собственности, отраслевой структуры населения); 3) типу экономического роста и 4) уровню и характеру их внешнеэкономических связей

(степень открытости экономики, место в национальном хозяйстве внешнего сектора).

Особые трудности возникают именно с классификационной принадлежностью стран БРИКС. Корень проблемы - в двойственном положении этих стран, весьма близких по своим «количественным» экономическим характеристикам к Первому миру/Центру, но по большинству качественных - все еще тяготеющих к Периферии/развивающимся странам.

Как следствие, в разных классификациях Россия оказывается то в рядах развитых, то развивающихся государств, то стран с переходной экономикой. ЮАР совсем недавно относили к категории «государств среднеразвитого капитализма», т.е. к той, куда включали Грецию, Ирландию и Португалию. Впрочем, и сегодня ЮАР обладает заведомо более развитой многоотраслевой и высокотехнологичной экономикой, чем, например, Болгария или Румыния. Не менее сложная ситуация с классификационной принадлежностью второй экономики мира - КНР, которая по многим абсолютным показателям (ВВП, национальный доход, промышленное производство и проч.) опередила почти все развитые страны, кроме США, но по душевым показателям намного отстает от них.

Таким образом, можно констатировать, что методологически важный вопрос классификационной принадлежности рассматриваемых государств остается открытым. В последние годы все чаще в научной литературе наблюдается желание авторов избежать использования термина «развивающиеся страны» вовсе. В отношении же стран БРИКС преимущественно предпочитают использовать термин «возникающие рынки» (*emerging markets*) или «возвышающиеся экономики» (*emerging economies*). Эти термины были введены в оборот в 1981 г. Антуаном ван Агтмаелем (см. *табл. 1*). Однако и здесь единства и стройности в использовании терминологии нет, поскольку те же термины часто применяют не только для

Таблица 1

Группировки стран-лидеров догоняющего развития, не являющиеся интеграционными объединениями и организациями

Наименование	Включаемые страны	Дата и обстоятельства возникновения
BRICS	Бразилия, Россия, Индия, КНР, Южная Африка	2003 г., разработка Дж. О’Нила для инвестиционных прогнозов фин. группы <i>Goldman Sachs</i> . Единственная группа, формализовавшая себя. ЮАР включена в 2011 г.
BASIC	Бразилия, Южная Африка, Индия, КНР	Появилась в 2009 г. на Копенгагенской конференции по изменению климата в результате консолидации переговорных позиций этих 4-х стран.
MIKT	Мексика, Индия, Юж. Корея, Турция	Начало 2011 г., Дж. О’Нил (<i>Goldman Sachs</i>); <i>growth economies</i> как альтернатива термину <i>emerging markets</i> , введенному в 1981 г. Антуаном ван Агтмаелем, в то время зам. руководителя отдела фондовых рынков Международной финансовой корпорации ВБ (<i>World Bank’s International Finance Corporation, IFC</i>).
NEXT-11 (N-11, The Eleven)	Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Нигерия, Южная Корея, Пакистан, Мексика, Филиппины, Турция и Вьетнам	Идея группировки впервые озвучена в 2005 г. Дж.О’Нилом (<i>Goldman Sachs</i>) в развитие его «концепции БРИК»; позиционируется как второй эшелон после БРИКС.
CIVETS	Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция, ЮАР	Конец 2009 г., Роберт Уорд, директор по глобальному прогнозированию <i>Economist Intelligence Unit</i> ; взято на вооружение и активно используется конкурентом <i>Goldman Sachs</i> -транснациональной банковской группой <i>HSBC</i> во главе с <i>Michael Geoghegan</i> .
G-20 (также G20 Developing Nations, иногда возможны вариации - G21, G24 и G20+)	Египет, Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, КНР, Эквадор, Гватемала, Индия, Индонезия, Куба, Мексика, Нигерия, Пакистан, Парагвай, Перу, Филиппины, ЮАР, Танзания, Таиланд, Турция, Уругвай, Венесуэла	Сформировалась 20.08.2003 г. на 5-й министерской встрече ВТО в Канкуне (Мексика). (Следует отличать от <i>G20 major economies</i> , известной также как <i>Group of Twenty</i>).

Источник: составлено автором.

данной группы крупных быстро развивающихся, «догоняющих» государств, но, например, и для обозначения всех стран, не входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹².

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Причина терминологической неопределенности в том, что в последние десятилетия четкое разделение двух полюсов Центр-Периферия, олицетворявших диалектические бинарные пары «богатство и бедность», «доминирование и подчинение», «экономическая мощь и хозяйственная за-

висимость», подверглось существенной коррозии. Рельефно обозначился процесс перераспределения силы и влияния в глобальных масштабах, укрепления новых полюсов формирующейся полицентричной международной системы. Произошли тектонические подвижки в соотношении сил ведущих экономических центров силы.

Как отмечалось, традиционный Центр глобализированной экономики начал медленно утрачивать, по крайней мере, некоторые из рычагов управления мировым хозяйством, до сих пор безоговорочно находившихся в его распоряжении. При этом нехарактерную прежде экономичес-

кую мощь и геополитическое значение стали обретать не только такие страны, как Китай, Индия, Бразилия и др., ранее относимые к Мировой периферии. К странам БРИКС по многим параметрам и, в частности, по уровню своей региональной значимости и силы приближаются некоторые другие развивающиеся государства.

Так, в качестве своего рода «БРИКС второго эшелона» выделяют 11 стран (Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Нигерия, Южная Корея, Пакистан, Мексика, Филиппины, Турция и Вьетнам), экономическая значимость которых в новой модели мирового экономического развития резко возрастает, а рынки становят-

ся особенно притягательными для инвестиций. Эти государства принято объединять в группу под говорящим за себя названием «*Следующие 11*» («*NEXT-11*», или «*N-11*»).

Кроме того, не следует забывать, что уже в настоящее время целый ряд развивающихся стран (Саудовская Аравия, Чили, Аргентина и др.) с существенно более низким населением и количественно меньшими масштабами экономики развиваются столь же быстро, как некоторые страны БРИКС, и претендуют на сравнимую роль в принятии решений по вопросам глобального значения. Некоторые из них поднимают вопрос о включении их в состав БРИКС (с добавлением соответствующей буквы к аббревиатуре), другие в одиночку требуют себе тех же прав и возможностей на международной арене (включение в многосторонние переговоры, право выступать от лица развивающихся стран, участие в различных саммитах и встречах за закрытыми дверями).

Более того, даже страны Африки, не без основания рассматриваемые сегодня многими исследователями в качестве безоговорочных аутсайдеров в деле преобразования нынешней ММЭР и «бедных родственников» на пиршестве передела глобального богатства, в течение первой половины текущего века, безусловно, усилят свои позиции в мировой экономике, а по некоторым параметрам (трудовые и сырьевые ресурсы), возможно, будут консолидированно играть в ней одну из главных ролей¹³.

Вместе с тем, следует четко понимать и то, что выделение БРИКС из всей массы стран, не относящихся к Центру/Первому миру (а это, по сути, все страны, входящие в ОЭСР) только лишь на базе сугубо научных и методологически последовательных и обоснованных критериев, возможно лишь отчасти. При желании можно найти немало типологических сходств между странами «пятерки» БРИКС. Однако можно обнаружить и столь же большое число принципиальных типологических различий.

Объединение стран в одну

группу основывалось главным образом на общности экономических характеристик, создавших устойчивую доходность на длительную перспективу. Как правило, из других стран лидеры догоняющего развития выделялись аналитиками крупных инвестиционных банковских групп потому, что такое обособление делало относящиеся к этим странам финансовые продукты более привлекательными для клиентов финансовых корпораций (см. табл. 1).

Таким образом, выделение новых групп стран, будь то «*NEXT-11*», *MIKT* или *CIVETS*¹⁴ (см. табл. 1), в первооснове анализа имеет один главный критерий, он же - единый общий деноминатор: это не столько темпы роста, масштабы экономики или численность населения, сколько, в основном, - степень инвестиционной привлекательности.

Не следует забывать, что и первоначальной целью выделения Дж.О'Нилом Бразилии, России, Индии и Китая в отдельную группу было очертить в результате анализа и прогнозов страновых рисков, с одной стороны, и конкурентных преимуществ, с другой, особый, привлекательный для клиентов финансовой корпорации *Goldman Sachs* перспективный класс активов для инвестирования. Таким образом, речь о будущем экономическом потенциале четверки крупных стран шла постольку, поскольку именно он должен был выступать в качестве главного привлекательного фактора для вложений в связанные с ними ценные бумаги.

Однако применительно к вышеуказанной четверке стран развитие событий пошло по особому сценарию вследствие того, что удачный маркетинговый ход перепелся с уже витавшими в воздухе идеями Примакова о тесном сотрудничестве между Россией, Китаем и Индией и многополярности. Идея же, «овладевшая массами» (в данном случае мировых политиков и инвесторов), не могла не превратиться в реальность. В этом смысле российский академик мог бы, наверно, претендовать,

по крайней мере, на часть лавров «отца-создателя» БРИКС.

Во время одной из наших встреч в марте 2011 г. Джим О'Нил, изобретатель аббревиатуры БРИК, ставший к тому времени председателем *Goldman Sachs Asset Management (Global)*, рассказал автору этих строк, что, выделяя Бразилию, Россию, Индию и Китай из других стран мира, он руководствовался шестью определяющими, по его мнению, критериями: размер экономики, темпы экономического роста, уровень и перспективы роста доходов населения, демографические факторы, прогнозы спроса и валютных поступлений. Потом он добавил: «Наверно то, что начальные буквы названий этих стран складывались в пригодную для маркетинговой идеи будущего доклада аббревиатуру, тоже сыграло свою роль»¹⁵.

О'Нил также признался, что намеренно не включил в состав группы Южную Корею и Мексику, хотя по темпам роста они вполне могли бы быть в нее включены. Он счел, что эта пара уже была более развита, чем четверка, позже превратившаяся в БРИК. Тем более, что и Запад уже признал эти две страны в качестве «своих», приняв их в ОЭСР, являющуюся своеобразным «клубом богатых демократических государств».

Ко времени нашей беседы Дж. О'Нил уже вовсю обкатывал идею выделения новой группы стран догоняющего развития *MIKT* (Мексика, Индонезия, Юж.Корея и Турция), которые будут расти, возможно, даже быстрее БРИКС, но в силу меньших размеров экономик и геополитического веса, скорее всего, будут казаться странами второго эшелона. Примечательно, что если Китай, Бразилия, Россия, Индия и ЮАР именовались им привычным для всех термином «возникающие рынки» (*emerging economies*), то новая четверка получила наименование «экономик роста». По словам отца термина БРИК, уже «просто смешно говорить об этих странах как о «возникающих рынках»¹⁶.

Заметим, что, как и в первом случае, в новую «четверку» объе-

диняются весьма разнородные страны: Южная Корея, вплотную подошедшая к постиндустриальному порогу; Мексика, уже являющаяся членом ОЭСР и входящая вместе с США и Канадой в интеграционное объединение НАФТА; Турция, до середины XIX в. бывшая одной из влиятельных европейских держав, а ныне возможный кандидат в ЕС; и, наконец, Индонезия, остающаяся, несмотря на быстрые темпы роста, классической развивающейся страной.

Дж.О'Нил и его единомышленники настаивают на необходимости пересмотреть саму концепцию «возникающих рынков». Абстрагируясь от геополитических соображений и положив в основу критерии инвестиционной привлекательности (те, что лежали в основе его первого доклада 2003 г.), он считает логичным и необходимым, с деловой точки зрения, объединить БРИКС и МИКТ в группу *growth markets* «рынков (экономик) роста»¹⁷.

Пожалуй, из большого числа появившихся классификаций в этом случае впервые предлагается простой и конкретный критерий включения стран в данную категорию. Согласно самому Дж. О'Нилу, речь идет о «странах, не принадлежащих к числу высоко-развитых, но вклад каждой из которых в формирование глобального ВВП превышает 1%».

В настоящее время «экономики роста», по подсчетам *Goldman Sachs*, производят около четверти всего глобального валового продукта. Все развитые экономики (ОЭСР) - порядка 63%, а остальной мир - 12%. К 2050 г. суммарный ВВП «экономик роста» увеличится на 2100%, а их удельный вес в мировом валовом продукте вырастет до 46%, в то время как доля развитого мира ужмется до 31% (см. рис. 1).

Не подвергая сомнению расчеты специалистов финансовой корпорации, мы пересчитали имеющиеся данные, исходя из нашей собственной методики, и попытались дать ответ на два вопроса: насколько обоснованны ее прогнозы и действительно релевантен ли новый подход Дж.О'Нила к реклассификации

лидеров догоняющего развития. Результаты расчетов приведены в табл. 2. В целом, они радикально не противоречат математическим подсчетам специалистов корпорации, однако дают основание для некоторых дополнительных рассуждений, предположений и прогнозов.

Пользуясь статистикой Всемирного банка, мы оценили в динамике вклад «экономик роста» в формирования мирового валового продукта в расчете по: а) текущему обменному курсу доллара, б) по обменному курсу и в ценах 2000 г. и в) по паритету покупательной способности (ППС). Данные, которые мы получили при расчетах номинального ВВП по текущему курсу доллара, в целом, были близки к данным *Goldman Sachs*. А следовательно, по крайней мере, косвенно, подтверждали обоснованность намерения ее лидеров выделить группу лидеров по принципу превышения вклада рассматриваемых стран в глобальный ВВП пороговой величины в 1%.

Однако при перерасчете показателей ВВП 2010 г. (т.е., говоря о нынешнем положении дел) в це-

нах и по среднему курсу доллара 2000 г. прорисовывается интересная картина, о которой сегодня практически никто не говорит. Она, между тем, существенно влияет на восприятие как методологических инноваций Дж.О'Нила, так и на представление о реальном потенциале БРИК (в расчетах без ЮАР) или БРИКС (с ней).

Наши расчеты показали, что при такой оценке их потенциала две страны (Индонезия и Турция) из нового элитного клуба выпадают, поскольку ВВП каждой из них не дотягивает (и весьма существенно) до 1% от мирового валового продукта, а Россия замерла именно на этом критическом пороге. Если в нашей стране не произойдет коренного сдвига в структуре экономики, причем именно в реальном ее секторе (а, если честно, то при инерционном сценарии развития с чего бы ему взяться?), то сползание вниз представляется неизбежным.

Кроме того, суммарный глобальный вес теперь уже пятетки стран (без Индонезии, Турции, России), оставшихся в числе «экономик роста», уменьшается

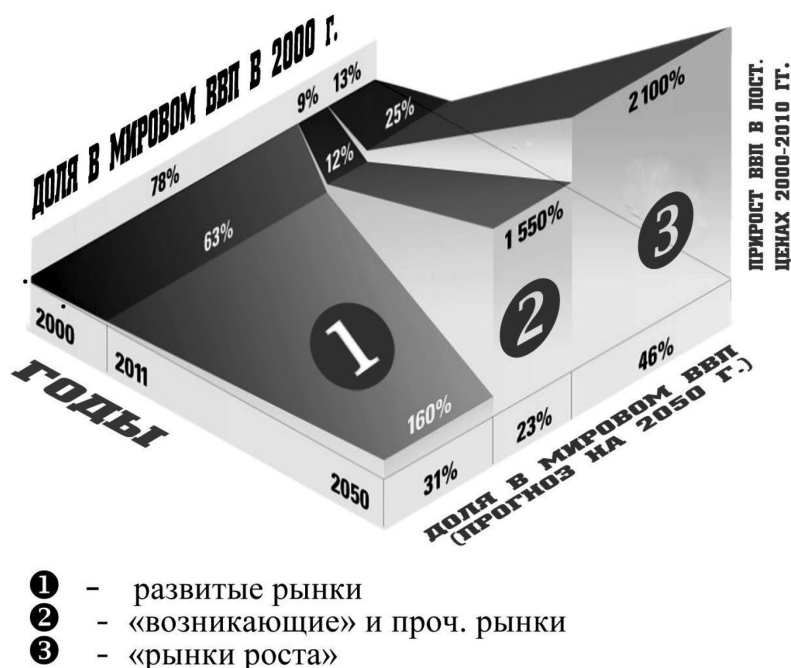


Рис. 1. Вклад лидеров догоняющего развития в мировой ВВП в сравнении с развитыми и развивающимися странами в 2000, 2011 и 2050 гг.

Источник: адаптировано автором для задач статьи на основе графика из «*Goldman Sachs Global Investment Research*», March 2012. P. 3.

Таблица 2

Удельный вес «экономик роста» в мировом валовом продукте (%), исчисленном по номинальной стоимости в постоянных долларовых ценах 2000 г.

	2000 г.	2010 г.			2050 г. (прогноз <i>Goldman Sachs</i>)
		номин. ВВП по тек. курсу	ППС в тек. \$	в \$ и пост. ценах 2000 г.	
«Экономики роста»	12,75	23,26	32,51	18,61	46
в т.ч.:					
Россия	0,81	2,34	3,68	1,00	3
Бразилия	2,00Б	3,30	2,85	2,22	4
КНР	3,72	9,37	13,26	7,85	21
Индия	1,43	2,73	5,47	2,33	10
Мексика	1,80	1,64	2,15	1,67	3
Юж. Корея	1,65	1,60	1,85	1,94	1
Индонезия	0,51	1,12	1,35	0,66	2
Турция	0,83	1,16	1,49	0,94	2
«Возникающие» и проч. рынки	9,55	12,0	16,80	11,55	23
в т.ч.:					
ЮАР	0,41	0,58	0,69	0,45	...
«Развитые страны»	77,70	64,74	50,69	69,84	31
в т.ч.:					
США	32,00	23,06	19,02	28,05	14

Источник: рассчитано и сгруппировано автором на основе статистики *World Bank Database. World Development Indicators*. Прогноз на 2050 г. по *Goldman Sachs* - <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/focus-on/growth-markets/dataviz/index.html>

более чем вдвое по сравнению с показателями, рассчитанными по ППС (для оставшихся стран в сумме до 16%). Это весомая, но не такая уж большая доля, чтобы претендовать на первые роли в управлении мировой экономикой, определять направления реформирования ММЭР.

Наши подсчеты позволяют сделать еще некоторые небезынтересные умозаключения. Если сравнить долю России в мировом ВВП в текущих ценах и постоянных ценах 2000 г., будет видно, что почти двукратное повышение нашего удельного веса в мировом ВВП почти целиком произошло за счет ценового фактора.

Этот вывод можно подтвердить с помощью метода кросс-проверки, сравнив рассматриваемый индикатор за 2010 г. в постоянных ценах 2000 г. с цифрой десятилетней давности (непосредственно за 2000 г.). Прирост со-

ставил всего 0,19%, т.е. менее двух сотых процента в год! Конечно, подобные рассуждения можно было бы поставить под сомнения, сказав, что речь идет не об абсолютных значениях, а о долях, и что мировая экономика росла вместе с нашей. Однако в данном случае подобная критика излишня. Рост веса РФ в мировом ВВП действительно в основном происходил за счет быстрого удорожания нефти и газа на мировых рынках и лишь в малой степени - за счет прироста «нефтепродуктового» производства.

Из табл. 2 также четко видно, почему изобретатель термина БРИК так негативно отнесся к включению ЮАР в состав этого объединения лидеров мирового развития. Экономика ЮАР, достаточно развитая и передовая с точки зрения внедрения инноваций и диверсификации технологических отраслей¹⁸, мала даже по

сравнению с самым слабым звеном *МИКТ* - Индонезией. При этом динамика роста влияния экономики ЮАР на глобализированное мировое хозяйство (если в качестве его индикатора брать долю страны в мировом ВВП) также выглядит менее впечатляюще. Рост за десять лет в постоянных ценах составил всего три сотых процента!

Впрочем, все это верно, особенно, если смотреть на вопрос объединения лидеров догоняющего развития и на рост их значимости исключительно технократически и, в основном, через призму их инвестиционной привлекательности.

Между тем, суть вопроса все более перемещается в геополитическую плоскость и выходит на обсуждавшиеся выше проблемы многополярности и полицентричности. Вот почему проблематика БРИКС и постоянно

предлагаемых альтернатив «пятерке» все более политизируется и, как представляется, выходит за рамки чисто экономического дискурса.

ИГРЫ С НУЛЕВОЙ СУММОЙ

На сегодняшний день БРИКС выступает как провозвестник и проводник реформы существующей ММЭР. Его линия вписывается в вектор, который некогда называли «антиимпериалистическим». Потому-то так трудно избавиться от невольных параллелей и ассоциаций со схожими по конфигурации нежестко структурированными объединениями прошлого, вроде Движения неприсоединения (ДН)*.

Видимо, это же ощущает и Запад, почему и проводит исподволь политику «сдерживания» БРИКС. Такая политика ведется по двум главным направлениям: а) препятствование консолидации объединения в практически действующую силу мирового значения и б) создание альтернативных, более «правильных» и «совершенных» объединений/группировок.

На практике это проявляется:

- в регулярном противопоставлении внутри БРИКС двух «крупнейших демократий» мира (Индии и Бразилии) двум «крупнейшим диктатурам» (КНР и РФ);

- проповедями о том, что Россия незаслуженно занимает среди лидеров место, доставшееся ей случайно благодаря благоприятной нефтяной конъюнктуре;

- и, наконец, что само объединение ничего серьезного из себя не представляет - является-де политической фикцией, необходимой Китаю и России для удовлетворения их геополитических амбиций и т.д.

Стремление отделить КНР и РФ от точек глобального влия-

ния и роста лежит в основе проекта конструирования более «продвинутого» объединения, альтернативного БРИКС. Без России и Китая оно будет не столь громоздким, но зато может продемонстрировать в силу своей компактности и благоприятного отношения к нему Запада успех модели развития, сохраняющей за «старыми игроками» доминирующие позиции в мировой экономике.

Если применительно к России такой вариант развития событий представить, в общем, нетрудно, учитывая наши сегодняшние сложности, то для «выбивания из седла» Китая необходимы действительно «креативные» решения. Страшным сном хозяев существующего миропорядка является перспектива того, что экономика КНР обгонит экономику США. Под этим понимается не только абсолютное превышение Китаем объемов ВВП Соединенных Штатов по стоимости, но и качественный рост, включающий инновации и рост производительности труда. Задача не допустить такого сценария развития является, следовательно, не только экономической, но и идеолого-политической.

Судя по американским публикациям последних двух лет (примерно со времен саммита БРИКС-2011 в Китае), один из путей решения проблемы может выглядеть следующим образом. За основу берется алгоритм известной формулы (апории) древнегреческого философа Зенона «Ахилл и черепаха», согласно которой быstroногий Ахиллес никогда не догонит неторопливую черепаху, если в начале движения черепаха находится впереди Ахиллеса. Рассуждения Зенона сводились к следующему. Допустим, Ахиллес бежит в десять раз быстрее, чем черепаха, и находится позади нее на расстоянии в тысячу шагов. За время, которое Ахиллес пробежит это расстояние, черепаха в ту же сторону проползет сто шагов. Когда Ахиллес пробежит сто шагов, черепаха проползёт ещё десять шагов, и так далее. Процесс будет продолжаться до бесконечности, Ахиллес так никогда и не догонит черепаху.

Логика у американцев следующая. По оценкам МВФ, в 2010 г. ВВП Китая составлял около 40% ВВП США. Если темпы роста Китая замедлятся в среднем до 5% в год в период с 2010 по 2030 гг., что кажется весьма вероятным, учитывая демографические и другие препятствия, с которыми он сталкивается, и если экономика США будет расти на 2,5% в год, то в реальном выражении экономика Китая вырастет с нынешнего уровня - чуть меньше трети экономики США - до двух третей ВВП США к 2030 г. С учетом сокращения трудоспособного населения (и его старения) нет никаких оснований ожидать, что рост в Китае продолжится. Даже если такие темпы роста сохранятся, Китай все равно не догонит экономику США, по крайней мере, до 2050 г.¹⁹

Однако, соперничая с Китаем за будущее мироустройство, нельзя полагаться только на философские выкладки, и замедлению темпов роста хорошо было бы поспособствовать. И «доброжелатели» в один голос говорят о неизбежном «перегреве» экономики Поднебесной, которую надо было бы остудить. Единственное препятствие в условиях мирового кризиса: Китай - одна из немногих надежд на выздоровление, локомотив, который должен вытаскивать мировую экономику из болота рецессии. Китайская экономика уже слишком тесно связана с американской. Можно пересердствовать с охлаждением и навредить себе.

В этих условиях выделение новой, более политически «правильной» и управляемой когорты стран-кандидатов в лидеры догоняющего развития выглядит более рациональным.

В США одним из энергичных предводителей тех, кто считает настоятельно необходимым противопоставить БРИКС альтернативный проект, является Дж. Голдстоун, американский социолог, неовеберианец и неомальтузианец, сторонник демографических подходов в геополитике, автор демографически-структурной теории революции.

Читателям «Азии и Африки сегодня» Дж.Голдстоун известен

* Объединяет около 120 государств мира на принципах неучастия в военных блоках. Официально создано в 1961 г. Не имеет жесткой организационной структуры. Встречи глав государств и правительств ДН (саммиты) проводятся без установленной периодичности - раз в несколько лет. Последняя (16-я) - в августе 2012 г. в Тегеране (Иран).

как один из создателей теории «молодежного бугра», о которой мы писали в связи с арабскими революциями²⁰. В недавнем прошлом он работал в американском государственном агентстве *USAID*, возглавляя в нем подразделение, оценивающее эффективность программ продвижения демократии. Он выдвинул идею «очищения» группы лидеров догоняющего развития от Китая и России.

В начале 2011 г., вскоре после саммита БРИК в КНР и приема ЮАР в сообщество, Дж.Голдстоун озвучил проект *TIMBI* - создание группировки-клона БРИКС, но без двух «тираний». В состав проектируемой группы должны войти Турция, Индия, Мексика, Бразилия и Индонезия. С научно-методологической точки зрения отсутствие КНР и РФ в составе новой группы лидеров догоняющего развития Дж.Голдстоун обосновывал структурно-демографическими причинами: неблагоприятной ситуацией с приростом населения в России, старением и удорожанием рабочей силы в Китае.

Проект *TIMBI*, как мы видим, в целом весьма схож с идеей *МИКТ* Дж.О'Нила. Их синхронное появление стало еще одним свидетельством того, что нынешние тенденции эволюции БРИКС не во всем устраивают Запад, и он пытается перенаправить объективно развивающиеся процессы реформирования *мирового экономического развития* в сторону перенасыщения полицентричного мира альтернативными центрами развития, большинство из которых ориентировалось бы на западные полюса миропорядка.

Сделать это, однако, будет весьма непросто. Совершенно очевидно, что в нынешней конфигурации БРИКС однозначно претендует на уникальные позиции и глобальный вес, поскольку не только обладает колоссальным суммарным хозяйственным, людским и ресурсным потенциалами, но в отличие от пусть даже весьма солидных, но все-таки региональных объединений, вроде ЕС, АСЕАН или НАФТА, охватывает четыре континента. В этом смысле включение в состав груп-

пы ЮАР выглядит более чем логичным.

Помимо весомой суммарной доли в мировом ВВП (в 2010 г. около 18% номинального ВВП по текущему курсу долл. и около 25% по ППС), огромной территории и населения, «пятерка» является практически монополистом по производству целого ряда дефицитных видов сырья и владельцем большей части мировых запасов пресной воды (без учета Антарктики). Анализ ежегодных данных Всемирного банка показывает, что, начиная с 2000 г., на БРИКС пришлось более одной трети экономического роста, имевшего место в мире.

* * *

Таким образом, проблематика, связанная с местом лидеров догоняющего развития в мировой экономике и их ролью в трансформации существующей ММЭР перешла из чисто инвестиционной плоскости в сферу большой мировой политики и баланса сил в многополярном и полицентричном мире.

¹ См., например: Красильщиков В.А. Опыт догоняющего развития (на примере стран Латинской Америки и Восточной Азии). Дис. ... д.э.н. М., 2002; Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., Экономика. 2000; Эльянов А.Я. Неoliberalная глобализация и догоняющее развитие. М., ИМЭМО, 2003.

² Фитунни Л., Абрамова И. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // МЭ и МО, 2012, № 7.

³ Morgenthau H.J. Politics among Nations. New York: Alfred A.Knopf, 1948. P. 242.

⁴ Waltz Kenneth N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley, 1979.

⁵ См.: Примаков Е. На горизонте многополярного мира // Независимая газета, 22.10.1996, и расширенная версия этой статьи - Международная жизнь, 1996, № 10.

⁶ Kratochvil Petr. Multipolarity: American Theory and Russian Practice. Institute of International Relations. Praha. 2002. P. 2 - kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/EINIRAS/31431/ipublicationdocument_singledocument/59af449b-e146-4050-a020-c6c1cceab215/en/2002-00-Multipolarity.pdf

⁷ Waller Michael. Primakov's Imperial Line // Perspective. 1997. Vol. 7, № 3, January-February.

⁸ Кашин Василий. Россия в поисках равновесия // Ведомости, 11.05.2012. С. 4.

⁹ The World Bank. Global Development Horizons 2011. Multipolarity: The New Global Economy. Washington, DC. 2011.

¹⁰ Wallerstein Immanuel. World systems analysis. An Introduction. L., 2006. P. 27-28; Amin Samir. Obsolescent Capitalism: Contemporary Politics and Global Disorder. 2003.

¹¹ Например, аналитиками крупнейшего по величине активов французского банка *BNP Paribas* к использованию принят термин *emerging economies*. Ими считаются «все страны, не относимые МВФ к ведущим высокоразвитым экономикам», исключая Гонконг, Сингапур, Саудовскую Аравию, Иран, Ирак, Катар и ОАЭ. (См. методологические пояснения к: BNP Paribas. «Conjoncture». Paris. 2012, № 2, February. P. 33.)

¹² См., например: BNP Paribas. «Conjoncture»... P. 25.

¹³ См. подробнее: Фитунни Л.Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития // Азия и Африка сегодня. 2010. № 8, 9; Фитунни Л.Л. Место Африки в посткризисной мировой экономике // Азия и Африка сегодня. 2011. № 1, 2.

¹⁴ Термин предложен в 2009 г. Робертом Уордом, директором по всемирному прогнозированию (*Economist Intelligence Unit*) и включает Колумбию, Индонезию, Вьетнам, Египет, Турцию, ЮАР.

¹⁵ Термин родился из подготовленного под руководством О'Нила прогнозного доклада «*The World Needs Better Economic. BRICs*». Кстати, сам Jim O'Neill произносит свою фамилию как О'Нил, а не О'Нейлл, как часто пишется в нашей печати. На наш взгляд, показательно и то, что Дж.О'Нил входит в правление эксклюзивного клуба «Брейгель», третьего по значимости в мире «мозгового центра» и важного звена формирующейся системы глобального управления. Беседа автора с Дж.О'Нилом состоялась 21.03.2011 в ходе конференции «*Dialogues with Russia: A new prosperity. Aspiration, innovation, participation*», Sunday 20 - Wednesday 23, March 2011. Wilton Park (UK).

¹⁶ <http://ftalphaville.ft.com/blog/2011/01/17/460756/brics-mikts-and-oneills-lucrative-lexicon/>

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ См.: Грищенко В.С., Синешкова Д.А., Фитунни Л.Л. и др. Инновационная политика: БРИКС, ЮАР и Россия // Азия и Африка сегодня. 2011, № 10. С. 26-32; № 11. С. 8-13.

¹⁹ Goldstone Jack A. Rise of the TIMBIs // Foreign Policy, December 2, 2011.

²⁰ Васильев А.М. Цунами революций не спадает // Азия и Африка сегодня. 2011, № 2. С. 2-9; Фитунни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом // Азия и Африка сегодня. 2011, № 2. С. 8-11; Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: новые демографические детерминанты // Азия и Африка сегодня. 2011, № 2. С. 23-29; Фитунни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // МЭ и МО. 2012, № 1. С. 3-14.